

УДК 91
ББК 26.89
П495

Поленов Владимир

П495 Путесумасшествие. По белу свету с Гуглом и без него. — М.: «Издание книг ком», 2020. — 224 с.

ISBN 978-5-907250-54-3

Автору этой книги довелось не только в силу профессии, но и, можно сказать, по зову души поездить по миру, насладиться его красотами и многообразием, познакомиться с интересными людьми и навсегда заболеть «охотой к перемене мест». В отдельных случаях это означало необходимость находиться вдали от Родины не недели и месяцы, а годы.

Перед вами — путевые зарисовки, субъективные заметки, концентрированный набор личных впечатлений, без которых не обходится ни одно путешествие. Если книга позовет в дорогу — значит, цель её достигнута.

Ранее в нашем издательстве вышли из печати две книги В.М. Поленова — «Байки о Ямайке» и «Пельмени по-баварски» с рассказами о странах, где автор жил и работал на дипломатических постах.

УДК 91
ББК 26.89

ISBN 978-5-907250-54-3

© Поленов В.М., 2020
© «Издание книг ком»,
о-макет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Первые полёты — вверх и вниз	12
Снегопад в Наантали	20
Грибники в Исландии	27
Холодное лето в Австралии	36
Кубинские страсти	42
Где найти пиво в Вади-Рам	51
Оттаять в Паттайе	56
Американские горки	64
О пользе рекламы на Коста-Брава	70
По морям, по волнам	77
Махараджи там и ночевали	87
Как не потеряться в Брюсселе	95
Парижские тайны	101
Как покорить Галапагосы	108

Морока в Марокко	115
Итальянские каникулы	122
Меланж по-венски или австрийский для немцев ...	130
Обезьяны без изъяна	139
Вива Мексика!	145
«Снаружи — зелёный, красный — внутри»	152
Chill-out в Чили	161
Вьетнам ням-ням!	171
В Доминикане почти как дома	179
Вам кофе с молоком или... с золотом?	186
Улетай в Индокитай!	193
Дождь в Порт-Луи	202
В Дагестане есть всё: море, горы и всё остальное ...	207
<i>Послесловие</i>	219

ПРЕДИСЛОВИЕ

В отличие от некоторых моих коллег и друзей-путешественников, я никогда не вёл дневников или, как теперь модно, блогов. Наверное, просто было лень скрупулёзно, день за днём, фиксировать события, личные переживания, мелкие происшествия и всякого рода случайности, что происходят с каждым из нас и которые, в основном, надо признаться, интересны лишь нам самим.

Только раз я, собрав волю в кулак, заставил себя подсчитать, сколько же стран — по профессиональной надобности либо в качестве туриста — я увидел за свою жизнь. Оказалось, на день написания этих строк, — 125 из 193 государств-членов ООН или же, в общей сложности, то есть считая и те, что не вошли во всемирную организацию, — 251 (254 по другим данным). Более предметно я в арифметические детали своих вояжей не углублялся.

Но за меня это сделал Гугл.

В один прекрасный день, а точнее, 3 января 2019 г. в 19 час. 46 мин. Гугл посредством смартфона торжественно поведал мне, что в 2018 году я посетил 13 стран, 36 городов, 115 мест, которые к городам не относятся. Всего за тот год я пролетел,

проехал, прошагал 85556 км, обогнув, тем самым, Землю 2,1 раза. За несколько предыдущих лет информация Гуглом также усердно копилась...

Не скрою, это меня весьма впечатлило. И я решил взять Гугл в попутчики. В том числе и в этой книге, хотя понятно, что Гугл не с самого начала моих путешествий был неотлучно со мной, поскольку я застал ещё то время, когда его просто не существовало.

Золотое это время или несчастливое — пусть каждый решает сам. К тому же, если не Гугл, то кто-то все равно, может быть, откуда-то сверху, за нами наблюдает, особенно когда мы в пути, вдалеке от родных мест. И, полагаю, охраняет нас. Просто надо в это верить.

Позабавил анекдот в тему:

— О'кей, Гугл... Где я вчера отдыхал?

— Я после вчерашнего с тобой не разговариваю...

Поразительно, но, согласно новейшим исследованиям, очень многие, в том числе молодые, люди готовы променять на путешествия даже... секс. Как выявила австралийская туристическая платформа *agoda.com*, 57% предпочитают всему остальному путешествия, причём и здесь большинство (69%) составляют женщины.

Правда, удивительно?

Путешествия, помимо прочего, — отличный способ замедлить время, как бы спрессовать его (так считает, например, наш «звёздный» литератор Евгений Водолазкин). Или, во всяком случае, попытаться это сделать. Как правило, такое волшебство без труда удаётся даже самым бесталанным «чародеям».

По заверениям психологов, быстрая смена впечатлений, огромный поток новой информации, необходимость оперативного принятия решений в условиях незнакомой, а то и вовсе чуждой среды субъективно замедляют чувство восприятия времени.

Как полагает Пико Айер, авторитет которого в жанре «трэвел стори» несомненен, мы для этого и путешествуем. Ну и для того, чтобы влюбиться — как в молодости.

Думаю, как человек, как личность я сформировался под влиянием четырёх вещей: жажды чтения в детстве и юности и, конечно, в последующие годы, семилетней учёбы в Московском суворовском военном училище, двух десятилетий работы и жизни в Германии (Западной и, позднее, — объединённой) и... путешествий.

С первым случаем все понятно. Во втором это — раннее взросление, дисциплина поведения, ответственность за себя и за других, в третьем — дисциплина ума, рациональность и логика действия, в четвёртом — открытость миру, стремление заглянуть за горизонт. Последние два фактора, конечно, неразрывно связаны с моей профессией дипломата, требующей постоянного самосовершенствования.

Видимо, поэтому в 45 лет я начал изучать испанский язык, в дополнение к уже имевшимся и активным немецкому и английскому, а уже в весьма зрелом возрасте — французский. Все они, конечно же, пригодились мне не только по делам службы, но и в дальних странствиях.

Не понимаю тех наших соотечественников, кто, отправляясь за рубеж, не вооружился хотя бы простейшим разговорником. Русский язык, конечно,

велик и благозвучен, но он всего лишь один из примерно 40 основных (или 5–6 тысяч в глобальном формате), на которых говорят, как считается, две трети населения Земли.

Никто не откроет вам сердце и душу через переводчика (даже если это *Гугл*). Поэтому уже несколько слов, произнесённых вами на языке встреченного за рубежом незнакомца, могут стать прологом добрых отношений и дружеской симпатии. Вообще-то это — общеизвестная истина, но все же, думаю, стоит её здесь повторить.

Николай Михайлович Пржевальский, знаменитый русский естествоиспытатель, предпринявший немало экспедиций в Центральную Азию, со знанием дела как-то заметил, что путешествия потеряли бы половину своей прелести, если о них нельзя было бы рассказывать. Теперь вы понимаете, почему эта книжка просто обязана была родиться, и, надеюсь, с интересом прочтёте её.

Пржевальский прав ещё и потому, рассказывая о своих путешествиях, мы приоткрываем страницы собственной жизни. Занятие явно не для мизантропов. Можно многое таить в себе, но то, что мы видим, чувствуем, переживаем в дальних странствиях, просто просится наружу — настолько это многогранно, весома и нередко уникально. Во всяком случае, в нашем, записных вояжёров, представлении.

Не случайно эта книга называется «Путесумасшествие». Такого понятия в русском языке, конечно, нет. Но очень часто просто не хватает слов, чтобы с точностью описать всю глубину впечатлений, всю гамму чувств, которые вызыва-

ют у нас не только сами странствия, но и процесс подготовки к ним. Мозги иногда выворачиваются набекрень, пока картина путешествия даже ещё не сложилась, но нервная дрожь предвкушения чего-то нового, необычного, захватывающего уже пробирает тело.

В чем смысл путешествий? Разнообразить времяпрепровождение? Показать себя и посмотреть на других? Жить в движении? Или, как считал, К.Г. Паустовский, чья писательская карьера, началась, по его признанию, с желания все знать, все видеть и путешествовать, — возможность породниться с небом?

Пусть каждый, кто имеет склонность к странствиям, определит для себя сам, что ему из этого подходит. Наверное, смысл путешествий таится ещё и в познании самого себя, особенно, если речь идёт о более или менее экстремальных турах.

Сразу скажу, что это — не мой профиль. «Экстрим» я пережил однажды, в молодости на Кавказе, когда, оступившись, полетел вниз по крутому горному склону, но, по счастливой случайности, остался цел и невредим. Одной нервной встряски такого рода мне хватило. Рассказ об этом — впереди.

Надо помнить, что в поездках, особенно в тропические страны, нас ожидают не только необычные впечатления, но и вполне реальные опасности разного рода. Это отравления, диарея («месть Монтесумы»), простуды от кондиционеров, укусы комаров — переносчиков вирусов денге, чикунгуньи, зики, Эболы, COVID-2019, а ещё и *Ross-river*, *Kala-Azar* и т.п., а также ВИЧ, скорпионы, ядовитые змеи, неядовитые, но весьма неприятные тараканы,

клопы, ДТП, грабители, наконец, в чем-то схожие с грабителями, коррумпированные представители закона.

В путешествиях нас везде могут подстеречь и природные катастрофы: лесные пожары, ураганы, землетрясения, наводнения, цунами. 26 декабря 2004 года я чуть было не попал в центр катастрофы в Юго-Восточной Азии. Тогда в результате цунами погибли более 400 тыс. чел.

Именно в этот день я должен был вылетать из Берлина в Коломбо, но, по счастью, смог добраться лишь до аэропорта «Тегель». Как позднее выяснилось, три этажа отеля в Шри-Ланке, в котором мне предстояло остановиться, были залиты водой. Многие русские и немецкие друзья, знавшие о моих отпускных планах, позже признались, что не решались набрать номер моего мобильного телефона, предполагая худшее...

И ради всего этого вы готовы и намерены отправиться в путь?!

Я и называю поэтому все это *путесумасшествием*. Пусть даже для Гугла это слово неизвестно.

Откровенно говоря, мне жаль туристов, которые в незнакомых и новых для себя городах первым делом лихорадочно ищут точку доступа в wi-fi, чтобы «початить» с друзьями и близкими. Затем они надолго «зависают» в таком виртуальном общении, не обращая ни малейшего внимания на то, что есть примечательного вокруг и даже совсем рядом с ними. Ну а потом им надо спешить дальше, на очередную экскурсию — к очередной точке доступа...

Говорят, что власти итальянского города Больцано установили на городских столбах «подушки

безопасности», чтобы побережь головы «смартфонозависимых» пешеходов, рискующих разбить лоб о столб. Вот уже до чего дошло дело!

Ещё один анекдот в тему:

Я начинаю бояться своего смартфона.

Мне все чаще кажется, что он умнее меня.

Думать своей головой приходится и в путешествиях. Потому что в них нас ждут новые люди, новые явления, новые традиции. Важно не попасть впросак, никого не обидеть, ничего не пропустить из того, что необычно, нестандартно, увлекательно в нашем понимании.

И стать чуть лучше, чуть умнее, чуть светлее в сравнении с тем, что мы представляли собой, отправляясь в путь.

И, может быть, иногда вспоминать со снисходительной улыбкой знатока аксиому «парадоксов друга» Уильяма Берроуза:

«Жить — необязательно. Путешествовать — необходимо».

С Гуглом или без него.

ПЕРВЫЕ ПОЛЁТЫ – ВВЕРХ И ВНИЗ

Мне 20 лет.

Гугл ещё не родился, да и для появления Интернета время пока не пришло. Только лишь через 12 лет я приобрету свой первый, как это раньше называлось, общедоступный персональный компьютер, а со Всемирной паутиной близко познакомлюсь лишь ещё 32 года спустя. К слову, тогда то, что гордо называлось компьютером, было просто клавиатурой с джойстиком (всевластие «мышей» наступило позже), которая подключалась к обычному телевизору. И всё — можно было самому писать простейшие программы, следуя инструкции в специализированных журналах.

Продавался этот *Commodore PC* по доступной цене в бюджетном сетевом супермаркете «Альди» в Кобленце — старинном немецком городе на слиянии рек Мозеля и Рейна, куда я отправился в командировку, понятно, совсем по другим делам. Упаковки с клавиатурами лежали штабелями на полу магазина по соседству с коробками с крупой, сахарным песком и другими сыпучими продуктами.

Я купил сразу два PC — для себя и для своей соседки Уте. Она же — арендодатель нашего малень-

кого бунгало в Бонне-Бад Годесберге неподалёку от советского посольства, где я тогда работал.

Уте, которая всегда, надо сказать, «дружила» с техникой, была счастлива...

Но это было потом.

А сейчас наша троица — Володя Кулиستиков (много позже — Генеральный директор НТВ), Лёша Лавренёв (внук известного писателя и драматурга Бориса Лавренёва) и я — собирается в дальнюю дорогу.

Мы только что окончили второй курс МГИМО. Лето в разгаре. Впереди — два месяца каникул. И большое желание «подзаработать денег» — студенческие стипендии и тогда были скромными, хотя, пожалуй, на круг всё-таки весомее, чем сегодня.

Нас ждут в Южной Осетии. Там, «на природе» трудится небольшой отряд геологов, в том числе таких же студентов с геофака МГУ. Только для них это — практика, а для нас ещё и развлечение, знакомство с местной экзотикой.

Мой самый первый в жизни полёт рейсовым самолётом «Аэрофлота» из Москвы в Тбилиси я перенёс вполне благополучно. Так же, как и местами ухабистый путь в жестковатом для сидения служебном «уазике» экспедиции до Гори и далее в лагерь геологов посреди буйной горной растительности.

Лагерь этот состоит из трёх простых палаток и деревянного столика со скамьями для камералки — обработки почвенных материалов, собранных во время пеших маршрутов по окрестностям с «полной выкладкой», подробной картой, вместительным рюкзаком и геологическим молотком с длинной рукояткой.

К концу маршрута рюкзак заметно тяжелеет, а молоток изрядно натирает руки.

Поначалу отношение к нам, студентам «элитарного», как считалось тогда и сейчас, вуза, если не насторожённое, то, по меньшей мере, сдержанное. Мол, посмотрим, на что эти белоручки сгодятся. Но потом, со временем всё встаёт на свои места — мы хоть из МГИМО, но ребята вполне нормальные...

Ходим в маршруты по двое (так положено по технике безопасности). Мой напарник Женька молчалив и сосредоточен. Он точно знает маршрут и показывает мне, где и как отбирать пробы грунта.

Пересекаем каменистую «лысую» полоску, которая образовалась на довольно крутом горном склоне под тяжестью очищенных от веток лесорубами стволов деревьев, спускаемых вниз.

Женька переходит без проблем, а у меня нога скользит, и вот уже я стремительно лечу по склону вниз, вращаясь вокруг собственной оси и переворачиваясь со спины на живот и обратно. Пытаюсь ухватиться за камни под собой, но они сидят непрочно и не дают возможности за них надёжно зацепиться.

Успеваю заметить, как побелело Женькино лицо. Он что-то кричит, но я не разбираю его слов в своём вращательном движении.

И вот, наконец, небольшой каменистый выступ на моём пути, по счастью, затормозивший падение. Я каким-то образом сижу, боясь сдвинуться хоть на миллиметр, смотрю вниз, но не успеваю ужаснуться от вида пропасти подо мной, так как Женька, почти бегом спустившись ко мне по лесистой части склона, уже протягивает спасительную ветку. И я перебираюсь в безопасное место.

— Теперь я знаю, как летят вниз брёвна... — с наигранной бодростью произношу я и выкуриваю две сигареты подряд — имею право!

На следующий день меня, несмотря на мои протесты, оставляют в лагере — «для отдыха». А вся геологическая «команда» первым делом мчится на «уазике» к подножию горы, с которой я столь быстро скользил вниз, но, слава Богу, смог остановиться, перед тем как завершить свой нечаянный полёт. Понятно, самым трагическим для меня способом. Я же говорю, что кто-то постоянно наблюдает за нами сверху, и, полагаю, охраняет нас. Может быть, не всех и не всегда. Кто знает...

Вид снизу на гору, которая чуть не стала для меня трамплином в иные миры, надо сказать, моих товарищей впечатлил. Вернувшись к вечеру в лагерь, они долго качают головами. В промежутке все стараются подлить мне в алюминиевую кружку местное красное вино в порядке утешения и в знак уважения за то, что я внешне стоически выдержал такой немалый стресс.

Конечно, в дикой природе Южной Осетии случается многое. Меня, например, неожиданная встреча с медведем однажды в лесу оставляет довольно равнодушным. Мы смотрим друг на друга без злобы и без страха. Моё ружьё остаётся за спиной. Я не дёргаюсь ни влево, ни вправо, не выказываю намерения бежать. При этом я знаю (спасибо местным жителям за науку!), что если уж придётся удирать от медведя, то надо это делать по склону вниз, потому что вверх за счёт своих коротких лап горный мишка взбирается очень резво.

Медведь на секунду задумывается, затем спокойно ретируется в чащу, а я продолжаю свой маршрут. Зато другого нашего товарища, встретившего медведя через некоторое время, такой контакт полностью выбивает из колеи, и он пару дней годится лишь на то, чтобы меланхолично просеивать пробы грунта в лагере.

Медведи постоянно конкурируют с нами в сборе малины, которой в тех краях было просто не счесть, а также в ловле форели в неглубоких, по локоть, горных речушках.

Настоящие поля земляники и белых (!) грибов для нас — желанный «подножный корм». В дождливые дни, когда работа в условиях гор отменяется, выручают вино и грузинский крепкий самогон (в нашем случае, из алычи) под названием «джипитаури», пить который из-за резкого запаха можно было только, зажав нос.

Абстинентами в тех краях вообще быть трудно.

Наш «уазик» едет в лагерь, забрав в заранее определённых «точках» участников экспедиции с маршрутов. На дороге стоит человек, у его ног притулилась стандартная десятилитровая пластиковая канистра. Он подаёт нам сигнал остановиться. В горах безучастно проехать мимо нельзя. Мы останавливаемся.

— Откуда вы? — интересуется одинокий прохожий.

— Из Москвы...

— Москва? Далеко... далеко... — в раздумье произносит «абориген» и приглашающим жестом указывает на канистру.

Мы отрицательно качаем головами, давая понять, что у нас, мол, работа.

Но этот аргумент не проходит:

— У всех работа... — с железной кавказской логикой парирует осетин.

И всё. Пока канистра нашего «благодетеля» не стала существенно легче, продолжить свой путь нам не удалось. Зато сон был затем глубоким...

Пищу себе мы готовим сами — как умеем. Единственная девушка в нашей компании (начальница экспедиции Аня, точнее, Анна Исаковна, понятно, не в счёт) умела делать это не лучше других. Во всяком случае, не лучше меня, поэтому при минимуме продуктов все обращались почему-то ко мне.

Но минимум — это одно, а полное отсутствие чего-то съедобного — совсем другое. Начальница Аня в такой ситуации, конечно, должна что-то делать, и она срочно отправляется на «уазике» в Гори, чтобы закупиться и спасти нас от голодной смерти на боевом посту.

У Ани находятся и другие дела в Гори, поэтому отсутствует она почти три дня. За это время мы курим вместо сигарет сухие листья не очень знакомых нам деревьев, подстреливаем (как ни жалко!) белок, радуемся каждой помидорине и куску серого деревенского хлеба, которыми нас гостеприимно и сочувственно угощают в кошарах пастухи, если те попадают на маршрутах.

При этом у нас настойчиво выясывают, правда ли, что кто-то из селян в горных деревеньках поделился с нами хлебом за плату — если бы это было так (к счастью, с нами такого не случилось), то едва ли «продавец» смог бы остаться жить в данной местности. Законы гор, как известно, строги — хлеб и вода для страждущих и жаждущих не могут быть «статьёй дохода»...

Вечером в лагере после трудового дня мы утешаем себя тем, что методически расстреливаем из ружей самодельную бумажную мишень с не слишком художественным изображением образа Анны Исаковны, прикреплённую к стволу дерева. Чувство голода при этом как-то притупляется...

И вот, наконец, в тиши ночи за несколько километров от нас становится сначала едва различимым, затем уже вполне слышимым шум двигателя нашего «уазика». Его не спутать ни с чем другим, тем более что никакого движения в этой отдалённой от цивилизации горной местности в позднее ночное время, конечно, нет.

Мы все прячемся за палаткой.

— Мальчики!.. — наигранно нежным голосом зовёт нас, выйдя из машины, Аня.

А мы все резво бросаемся, но не в объятия к ней, а к загруженной съестным машине и без разбора хватаем всё, что можно съесть или хотя бы просто надкусить, разрывая на ходу упаковки и обёртки.

Расстрелянный «портрет» Анны Исаковны на дереве в тот момент то ли не успели, то ли не захотели снять...

Когда близится день нашего отъезда в Москву, в лагере устраивается празднество — с изрядным количеством мяса и вина, с салютом. Нам весело и грустно. Почти два месяца мы, москвичи, почти слились с первозданной природой, нашли новых друзей (с частью которых поддерживаем отношения и сегодня). Наш общий «доход» в конечном счёте совсем не велик (питание ведь тоже стоит денег!), но неизгладимых впечатлений куда больше.

Надолго запомнились «сауна» в виде жара от нагретых в костре валунов, накрытых палаткой, поиски пропавших на маршруте в горном лесу (вышли за обрезом карты) наших товарищей обоюго пола, когда мы с невероятным трудом продирались сквозь заросли рододендрона, кляня всё на свете.

Осталась в памяти и бесплодная (к счастью!) ночная охота по просьбе местных жителей на медведя, повадившегося наведываться в деревню в неурочный час. До сих пор не могу забыть смех и радость детей в отдалённых горных хуторах, которых мы пытались развлекать, как могли, в дождливые, нерабочие для нас дни (из-за распространённых тогда в тех неприступных большую часть года краях инцестов детишки были сплошь с врождёнными физическими недостатками; нам было их очень жаль)...

Путь до аэропорта в Тбилиси оказывается незапланированно долгим. По дороге останавливаемся перекусить в придорожном кафе. К бутылке белого вина, которую мы распиваем на прощание на троих, неожиданно добавляются ещё три — как выясняется, от весёлой группы грузин за одним из соседних столиков, просто так, из спонтанного чувства симпатии. Приходится опустошить и эти ёмкости...

Приходим в себя уже только в Шереметьево. Наше летнее приключение за пределами Российской Федерации (тогда ещё — РСФСР) завершено. Впереди — продолжение учёбы и затем вся жизнь и встречи с новыми знакомыми и новыми странами.

Мы к этому готовы.

СНЕГОПАД В НААНТАЛИ

Вообще-то меня всегда мало тянуло на север Европы. Пытаясь оправдаться, для себя и для других я в порядке шутки рассуждаю о своей уверенности в том, что в прошлой жизни, мол, был обитателем одной из тёплых стран. Может быть, так оно и есть. Но кто проверит?

Однако со временем пути-дороги привели меня и в эту, географически близкую нам часть континента.

В начале 1990-х была командировка в Хельсинки по линии МИД.

Мои первые впечатления о Финляндии тогда естественным образом ограничились завтраком в гостинице, переговорами, рабочим обедом, неизменным посещением сауны вместе с финскими коллегами.

Руководитель нашей делегации, замминистра, ставший впоследствии послом России в Хельсинки, как полагается, нырял после банных процедур в снежный сугроб. Финнов, обустроивших в своей стране, как говорят, 2 млн саун на 5 млн человек населения, это весьма впечатлило.

Тогда же из посещения сауны я смог вынести ценные знания о том, что дверь в самой кабинке

обязательно должна иметь внизу продушину для естественной циркуляции воздуха. Что финны предпочитают подкладывать под себя в сауне специальную дощечку, чтобы не было так горячо восседать на дышащих жаром досках. Что оптимальная температура в сауне должна быть под 90 градусов, потому что, когда её десятилетиями держали там выше 100, сердечно-сосудистые заболевания в Суоми только прогрессировали. И уж, конечно, там никто, как принято у нас, не размахивает использованным «ароматным» полотенцем, разгоняя горячий воздух в кабинке. Тогда многое из этого было для нас внове...

А сейчас, вот, снова Финляндия, снова Хельсинки.

В городе холодно и ветрено. Впрочем, так же было здесь и 27 лет назад. Ленивые толстые чайки на ступеньках у кромки северной оконечности портовой бухты по-прежнему выжидательно косят глазом в сторону прохожих и праздных туристов. Расчёт понятен — извечная надежда на съестное, и она нередко оправдывается.

Ниже на слегка вздыбившемся льду старательно чистит пёрышки одинокий, во всяком случае, в данный момент, селезень. И для него это место, скорее всего, окажется «доходным» с точки зрения перспективы прокорма.

Но Старый крытый рынок за прошедшие годы изменился: внутри этого симпатичного здания конца XIX века, где раньше тянулись широкие ряды рыборотковцев, сейчас нечто вроде модного и в Москве, и в Хельсинки гастромаркета или фуд-молла, где можно, прежде всего, хорошо поесть. Ну а потом уже прикупить что-либо из продуктов, мясных или рыбных. Как говорится, каждому — своё.

От обилия съестного разбегаются глаза и умоляюще урчит желудок. Как тут не попробовать *лохикейтто* — знаменитого финского сливочного супа с лососем. Размер миски не имеет значения — суп этот насытит вас в любом случае.

После пищи телесной естественным образом тянет к пище духовной. Конечно, Хельсинки — не Париж, не Лондон и не Мадрид. Но столица Финляндии может похвастаться своеобразным художественным музеем, который основали выходцы из династии русских пивоваров Синебрюховых. Так же, как сочно звучит это имя, радуется глаз их коллекция произведений старого европейского искусства с полотнами Рембрандта, Тьеполо, Лукаса Кранаха-Старшего.

Стоит посмотреть. А также попробовать пиво *KOFF* с безукоризненной экологической чистотой составляющих его компонентов. Оно и сегодня напоминает о том вкладе, который внёс предприимчивый русский купец на заре XIX века в дело утоления жажды на финской земле, да и за её пределами.

Мы, конечно же, пробуем это пиво. Мы — за исключением Александра, который сидит за рулём нашей взятой в аренду машины. Его милейшая супруга Людмила — рядом с ним, держит в руках экраном к мужу смартфон, выполняющий роль навигатора. Моя жена Алла — соответственно, рядом со мной, на заднем сиденье.

Убеждаемся в том, что автострады в Финляндии — прямые и ровные, почти что германского стандарта. Хотя дорожное полотно, понятно, не подогревают, как некоторые улицы в пешеходных

зонах Хельсинки и других городах страны, но оно остаётся вполне пригодным для движения даже в самый сильный снегопад.

Спешить и на автодорогах в спокойно-медлительной Финляндии явно не стоит: система штрафов за превышение скорости там весьма эффективна, поскольку рассчитываются они на основе ежегодного дохода водителя. Иными словами, чем нарушитель богаче, тем весомее штраф. Вот вам демократия в действии.

Так, не спеша, мы доезжаем до Тампере.

Город встречает нас солнцем и лёгким морозцем. Пешеходов на улицах почти нет, если не считать владельцев собак, чинно прогуливающих питомцев на слегка заснеженных бульварах.

Прохожие нас интересуют, прежде всего, потому, что мы ищем музей Ленина — не из-за того, что мы правоверные члены КПРФ (какими, естественно, не являемся; а КПСС осталась в прошлом), а поскольку это сейчас — единственный в мире музей вождя Октябрьской революции (или переворота — как кому хочется). Это часть нашей общей с финнами истории, с благополучными и менее радостными страницами для обоих народов.

Спасибо финнам. Прежде всего, за то, что они сумели рассказать в своей музейной экспозиции о потрясших тогда мир событиях сдержанно-корректно, фактологически выверенно, без идеологических штампов, даже с некоторой долей юмора, разместив фотографии высоких гостей музея на дверцах ящичков для хранения сумок посетителей. Под фото — шутливые подписи.

Будем надеяться, что увековеченные таким образом высокие гости из прошлого (включая наших Гагарина и Хрущёва с Брежневым) не обидятся...

Внимательно изучив экспозицию и постояв на том самом месте, где в 1905 году впервые встретились на конференции Ленин и Сталин, и послушав песню А. Пугачёвой, символизирующую сегодняшний день России, мы под впечатлением от увиденного отправляемся восвояси. Как тут не вспомнить бессмертное: Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить...

Музеи шпионажа, обуви, бокса и хоккея, которыми также может похвастаться Тампере, нас как-то не привлекают.

Александр настаивает, чтобы мы, прежде чем достичь нашей следующей цели — Турку, обязательно заехали в Наантали — маленький портовый городок, один из старейших в Финляндии, окаймлённый шхерами.

Припарковавшись, мы прогулочным шагом идём к замёрзшей, за исключением сравнительно небольшой проталины, портовой гавани. В проталине, нахолившись, несут свою брандвахту утки. Увидев нас, неуверенно двигаются в нашу сторону. Но, узрев в нас праздно шатающихся туристов, явно не готовых к кормлению пернатых, быстро сдерживают свой порыв и откатываются назад.

Всё вокруг белым-бело и пустынно. Дощатый настил, обозначивший прогулочную дорожку вдоль гавани, поскрипывает под ногами. Смеркается. Окна приветливо горят только в одном из ресторанов, расположенных вдоль уютной гавани. Как говорят, это заведение работает всегда, невзирая на время года и погодные условия.

И тут в Наантали начинается снегопад. Надо признаться, я давно такого не видел. Падающие снежинки такие крупные, что кажется, будто можно рассмотреть все их узоры, сработанные природой. В Москве снегопад, как правило, достаточно скучный, надоедливый, особенно если спешишь по делам. Здесь — другое дело.

Снег падает тихо и мягко, а возникшая в результате лёгкая пелена заставляет воспринимать округу как нечто почти нереальное, волшебное, удалённое от порой серых будней обычной жизни.

Снег на земле, на голых ветвях деревьев, на крышах домов, на наших куртках, на ресницах. Но всё-таки нам удаётся рассмотреть главную красоту Наантали — двухэтажные деревянные дома XVIII–XIX веков, преимущественно пастельных тонов, спускающиеся прямо к портовой гавани.

Мы представляем себе, как в зимнюю стужу финские девушки в этих домиках, расположившись в глубоком кресле под старой лампой, вяжут разноцветные тёплые носки. *Если верить Гуглу*, для жителей города в трудные времена это было занятием не только для души, но и для того, чтобы просто выжить. Сегодня вязание — просто хобби, хотя и имеющее по-прежнему практическое значение: трудные времена для финнов, слава Богу, ушли (теперь Наантали — второй по величине сбора налогов город в стране после Хельсинки), но морозы в холодное время года остались. А кому не хочется тепла и уюта?!

Нам хочется этого тоже. И потому, перед тем как заселиться в отеле в Турку, мы вдоволь запасаемся в ближайшем супермаркете копчёным лососем

в разных видах. Надо ли говорить, что под одной другой бокал доброго вина (как говорится, «у нас с собой было») рыба радуется свежим мягким вкусом ещё больше.

Конечно, мы не стали повторять ошибок Умберто Эко (см. его замечательный рассказ «*Как путешествовать с лососем*»), и после ночи в гостинице, когда упаковки рыбы в целлофане были временно размещены для сохранности в мини-барах, восстановили там нетронутые нами запасы алкоголя. Поэтому, сдавая ключи, нам не пришлось испытать те чувства, которые возникли у знаменитого итальянского учёного и писателя при виде астрономического счета за пользование мини-баром в гостиничном номере в Лондоне.

Нам было в этом смысле проще: номера в Турку у нас были не такие просторные, а мини-бары не такие большие, и платили за гостиницу мы сами, а не издатель, как в случае с Умберто Эко.

И лососи у нас, в отличие от него, доехали до места назначения вполне съедобными. Наверное, потому, что мы помнили финскую поговорку — «для гостя и рыбы один закон: через три дня протухают».

На третий день мы и вернулись в Москву, не нарушив, таким образом, финского закона...